

Виктория Шнайдер  
Екатерина Мелкова

A movie poster featuring a man and a woman in a stable setting. The man, on the left, has a beard and is wearing a green button-down shirt. The woman, on the right, is wearing a white lab coat over a green shirt and has a stethoscope around her neck. She is holding a dark brown leather bag. A dark horse with a white blaze on its face is behind them. The background shows a wooden stable and a forest at sunset.

ЗА МУЖИКОМ —  
ХОТЬ В ОГОНЬ

Екатерина Мелкова

**За мужиком — хоть в огонь**

«Автор»

«Автор»

2026

**Мелкова Е.**

За мужиком — хоть в огонь / Е. Мелкова — «Автор», «Автор»,  
2026

Она — столичный врач, он — бывший спасатель. Чтобы поставить на ноги чужого ребенка, Надежде придется довериться Тимофею и его богатырским коням. Но чиновники и застройщики жаждут уничтожить усадьбу. Тимофей встает на защиту. Их любовь вспыхивает среди опасностей. Хватит ли сил спасти детей и обрести счастье? История о чуде, верности и мужчине, за которым — хоть в огонь.

© Мелкова Е., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

# Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1. Песчаная колея           | 6  |
| Глава 2. Первое слово             | 10 |
| Глава 3. Руки беречь              | 14 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 17 |

# **Виктория Шнайдер**

## **За мужиком — хоть в огонь**

За мужиком — хоть в огонь

Виктория Шнайдер

Екатерина Мелкова

## Глава 1. Песчаная колея

Жестяная дверь служебного уазика распахнулась со скрежетом, и полуденный июньский зной ударил мне в лицо, словно распахнутая створка печи. Воздух здесь, в тридцати верстах от сонного райцентра, был густым, плотным, напоенным смолистым духом векового бора, терпким привкусом озерной тины и сухим жаром раскаленного песка. Тонкая кожа моих городских туфель мгновенно утонула в серой дорожной пыли, а строгий льняной жакет — привычная броня столичного консультанта — показался душной и нелепой помехой. Из машины ко мне уже тянулась Вера с ребенком.

— Осторожно, Верочка. Давай его мне на руки, — негромко сказала я, заглядывая в душное нутро машины.

Вера Соколова, иссушенная непреходящим горем молодая женщина с запавшими от бессонницы глазами, бережно вытолкнула наружу пятилетнего сына. Миша повис на моих руках сухим, невесомым комочком испуганного зверька. Его хрупкое тельце сразу же свело в жесткий, окаменевший узел. Правая ручка мальчика, скованная спастикой после той страшной зимней автокатастрофы, намертво прижалась к груди, а крошечные пальчики побелели в судорожном замке. За четыре месяца, прошедшие со дня гибели мужа Веры, Миша не произнес ни единого слова. Органическое поражение центральной нервной системы наложилось на глубочайший психологический шок, и детский мозг замуровал себя в глухую, непроницаемую стену немоты.

Я опустилась на колени прямо в сухую серую пыль обочины. Песок набился под юбку; я перехватила Мишу повыше, поддерживая его голову.

— Тише, маленький. Доктор рядом, я держу тебя... Слышишь, как шумит лес? Вдохни глубоко. Здесь пахнет теплой сосновой хвоей.

Я поддержала его затылок ладонью, устроила голову удобнее на сгибе локтя и заговорила тише, в такт его дыханию. Ребенок мелко вздрагивал, уткнувшись горячим влажным носиком в мой воротник, но постепенно дыхание его стало глубже.

Впереди, за полосой песчаной дороги, высились массивные ворота усадьбы «Медвежий лог», срубленные из мореных дубовых плах. За ними угадывались добротные конюшни и ровный овал открытого манежа. Мой научный руководитель в Москве называл эту поездку безответственной авантюрой, а коллеги у виска крутили: везти ребенка с тяжелой спастикой в глушь, к отставному эмчезовцу и его тяжеловозам? Но академическая терапия зашла в глухой тупик, и здесь теплился наш последний реальный шанс на спасение.

Внезапно наш водитель Петро, занервничав на узком пяточке перед закрытым въездом, резко крутанул руль, пытаясь развернуть УАЗик. Машина дернулась, и Петро от неожиданности всем весом навалился локтем на рулевое колесо.

Визгливый, металлический вой клаксона эхом расколол тишину соснового бора.

Миша пронзительно вскрикнул, кулачок его судорожно свело еще сильнее, а из-за ближнего поворота грунтовки мгновенно отозвался другой, куда более страшный звук — надрывный, захлебывающийся рев форсированного мотора. Из-за сосен, вздымая стену желтого гравия и сосновых игл, на бешеной скорости вылетел тяжелый спортивный квадроцикл. За рулем сидел парень в черном глухом шлеме и куртке с броской эмблемой строительного холдинга Зимина. Заложив лихой вираж прямо перед воротами, пилот с издевательским хохотом бросил машину в занос, чтобы покрасоваться перед столичными гостями.

Каменная шрапнель из-под зубастых колес брызнула веером. Острый гравийный голыш со свистом ударил в деревянную жердь коновязи у забора.

Там, привязанный за длинный сыромятный ремень, пристегнутый к недоуздку, стоял молодой трехлетний тяжеловоз Гранит.

Гулкий шелчок камня о дерево и яростный вой мотора мгновенно взорвали горячую кровь молодого гиганта. Огромный вороной жеребец весом под восемьсот килограммов с хриплым, безумным ржанием взвился на дыбы. Могучие копыта, каждое величиной с добрую суповую тарелку, взрезали воздух над песчаной колеей. Сыромятный ремень натянулся, словно струна, зазвенели кованые кольца, и с сухим, пушечным треском кожа лопнула.

Обезумевшее от страха животное рухнуло на все четыре ноги и понеслось в галоп по колее — прямо на нас с Мишей.

Бежать было некуда. Сзади высился глухой двухметровый забор из лиственницы, сбоку зияла глубокая канава, заваленная острыми сосновыми сучьями и сухостоем. Вера на обочине онемела, зажав ладонями побелевшие губы. Я понимала: вскочить на ноги и отбежать в тяжелых туфлях я не успею ни за что.

В эту долю секунды во мне начисто отключился ученый секретарь и кандидат наук с десятком публикаций. Проснулся древний, первобытный инстинкт матери и врача, обязанного любой ценой сберечь маленькую жизнь. Я рухнула ничком на раскаленный песок, подминая Мишу под свой корпус, накрывая его голову руками и намертво сцепляя пальцы в замок у него на затылке. Тень бешено несущегося коня заслонила солнце. Земля под моей грудью задрожала от тяжелых ударов подкованных копыт. «Только не по Мише, господи... Прими удар на меня!»

— Ложись! — рявкнул мужчина из ворот.

Я повернула голову. Из приоткрытой створки ворот метнулась гигантская тень. Мужчина двухметрового роста в расстегнутой на груди полотняной рубахе вылетел наперерез несущемуся жеребцу. Он зашел сбоку, ухватил болтавшийся конец оборванной привязи и рванул его к воротному столбу, уходя с линии копыт.

Ремень хлестнул по столбу. Мужчина обвел его вокруг дерева и налег всем весом. Рубаха зацепилась за торчащий гвоздь и разошлась на спине, обнажив старые шрамы. Гранит вскинул голову; натянутый ремень увел его в сторону от нас. Мужчина переступал по песку, понемногу сдвигая ремень.

— Сто-о-ять, дурная кровь! Тпру-у, паря! Назад! — зарокотал такой бас, от которого завибрировали кроны вековых сосен.

Тяжеловоз развернулся боком, взрывая песок копытами. Мужчина удерживал привязь у столба. Я приподнялась на локте, прижимая Мишу, и поползла к воротам. Мужчина протянул свободную руку, подхватил меня под плечо и оттащил нас на травянистый бугор у столба, в сторону от копыт.

Жеребец покорился, мелко вздрагивая взмыленными лопатками.

Я сидела в высокой примятой полыни, жадно хватая ртом воздух. Сердце молотило в горле так, что темнело в глазах.

— Миша... Маленький, живой? Посмотри на меня! — судорожно зашептала я, лихорадочно ощупывая хрупкие ребра, плечи и ручки мальчика. Миша прижался ко мне, спрятав личико в складках моего разорванного жакета, но кости были целы, а дыхание оставалось ровным.

Тяжелая, обжигающе горячая ладонь опустилась на мое плечо.

Она была широкой, шершавой от вьевшихся мозолей и пахла березовым дегтем, свежей сосновой стружкой и высушенным июньским сеном. Это прикосновение несло в себе такое несокрушимое, каменное спокойствие, что ледяной спазм ужаса в моей груди дрогнул и начал медленно оттаивать.

— Дыши, докторша. Всё позади. Держу я вас.

Я подняла глаза, щурясь от яркого солнца. Надо мной стоял хозяин усадьбы Тимофей Медведев. Лицо широкое, словно вырубленное топором из мореного дуба, короткая темная борода с серебристой проседью на подбородке и удивительно ясные, серые, цепкие глаза под густыми бровями.

Он передал конец привязи тяжело дышащего коня подбежавшему конюху и протянул мне руку, помогая подняться.

Я ухватила за его пальцы — широкие, обжигающе горячие и надежные, словно вековой корень. Поднявшись, я почувствовала, как предательски подгибаются колени. Одежда была перепачкана дорожной пылью, шпильки из волос вылетели, русые пряди рассыпались по плечам, но я усилием воли выпрямила спину. Врач обязан держать лицо.

— Я — кандидат медицинских наук Надежда Николаевна Воронова, — отчеканила я, заставляя севший голос звучать сухо и официально. — Ведущий невролог НИИ педиатрии. Мы вели переговоры о полной безопасности клинической базы, Тимофей Иванович! Если у вас здесь лошади топчут пациентов прямо на въезде, я немедленно разворачиваю машину обратно в Москву!

Тимофей окинул взглядом мой испачканный костюм, растрепанные волосы, затем посмотрел на замершего Мишу и веско усмехнулся:

— Не уедешь ты никуда, Надежда Николаевна. Ты сама говорила по телефону: четыре месяца стараешься, а он всё молчит. Дай нам попробовать. Здесь я его на ноги поставлю. Входи в усадьбу. Мой дом — твоя крепость. Больше вас здесь никто пальцем не тронет.

Он распахнул перед нами тяжелую дубовую створку ворот.

Мы прошли во двор вслед за Тимофеем.

Двор усадьбы поразил меня безукоризненным порядком: широкие дорожки были отсыпаны чистым речным песком, трава вдоль бревенчатых заборов коротко выкошена, а в воздухе стоял густой, целебный аромат соснового бора. Мы вошли под своды просторной конюшни, сложенной из вековых бревен лиственницы. Полуденный зной мгновенно сменился благодатной прохладой, пахнувшей мятой, сухим клевером, спелыми яблоками и чистым конским теплом. Сквозь высокие фрамуги падали широкие золотые снопы света, рассекая полумрак широкого прохода.

По обе стороны тянулись денники. Из полумрака каждого выступали могучие головы с пышными волнистыми гривами и умными глазами — каждый тяжеловоз походил на былинную живую гору.

Я достала из кожаной папки планшет с протоколами, возвращая привычную броню академической науки:

— Тимофей Иванович, средняя масса взрослого владимирского тяжеловоза — от девяти-сот до тысячи ста килограммов. Миша пока с трудом удерживает корпус, а правая рука зажата. С такой высоты падать опасно! Сначала посмотрим, как он перенесет знакомство с конем, потом решим насчет посадки.

Медведев остановился у крайнего денника с медной табличкой «Буран» и скрестил руки на широкой груди:

— Твои пони семят, как швейные машинки. Тыр-пыр, тыр-пыр. На мелком шаге дитя трясет мелкой дробью, спастика только крепче клинит, мышцы узлом вяжет. А тяжеловоз плывет, словно ладья по тихой воде. Шаг широкий, развалистый, волной идет. Глянь на живую спину, докторша. Потом со своими графиками сравнишь.

Он мягко отодвинул дубовый засов и распахнул створку.

Вера попыталась подвести сына ближе:

— Мишенька, посмотри, какая лошадка добрая...

Увидев выступающий из темноты могучий темный силуэт коня, мальчик истошно, тонко закричал. Его тельце забило в судороге, ножки в ортопедических сандаликах подогнулись, а пораженная правая ручка скрючилась в болезненном спазме, прижавшись к животу.

— Вера, отойдите на два шага назад! — резко скомандовала я, отстраняя мать. — Никакого давления! Вы спровоцируете стойкий спастический криз!

Я шагнула вперед, преграждая Тимофею выход из денника:

— Стойте! Лошадь необходимо зафиксировать на две строгие развязки!

Медведев накрыл мои пальцы своей широкой горячей ладонью и властно, но поразительно мягко отвел мою руку в сторону:

— Буран к детям приучен. Я поведу его. Дай Мишке минуту освоиться.

## Глава 2. Первое слово

Из темноты денника медленно выступил вороной конь. Буран был царственно сложен: смоляной корпус и белая проточина на лбу, ослепительно белые шелковистые чулки на всех четырех ногах, метр восемьдесят в холке и шея крутым лебединым гребнем. От него веяло мощью стихии, способной сдвинуть груженный железнодорожный вагон.

Он шагал по одной плахе, переставляя огромные копыта с осторожностью.

Тимофей придержал коня за недоуздок, присел и коротко шелкнул языком. Буран плавно подогнул передние ноги и опустил тяжелую голову к самому настилу из плах. Он буквально сложился пополам, занижая свой рост до уровня мальчика, которого я усадила рядом с собой на настил, и издал тихое, утробное гугуканье — звук, полный материнской нежности и глубокого покоя.

Миша смолк. Слезы застыли на его щеках.

Оставаясь на корточках рядом с ребенком, Тимофей достал из кармана продолговатый ломтик сушеного яблока, источавший сладкий аромат, и положил его на свою раскрытую ладонь рядом со сведенным детским кулачком.

— Тимофей, следите за его зубами! Миша сам руку отдернуть не успеет! — прошептала я с замиранием сердца.

— Смотри, — коротко бросил он.

Буран бархатными черными губами — трепетно, нежно, миллиметр за миллиметром — снял ломтик яблока с ладони Тимофея. А затем опустил морду рядом с худенькими коленками мальчика, прикрыл карий глаз и сделал глубокий, размеренный выдох.

Теплый выдох, пахнувший клевером и сушеным яблоком, коснулся скованной ручки ребенка. Миша перестал вжимать голову в плечи, следя за влажными ноздрями коня. Я поддерживала его локоть и чувствовала, как понемногу ослабевают напряжение.

Пальчики Миши дрогнули и начали медленно, плавно распрямляться. Мальчик глубоко вдохнул, поднял обе ручки и обеими ладошками зарылся в прохладную смоляную гриву великана:

— Бу-у... — хрипло сорвалось с детских губ. А затем громче, чисто и звонко: — Бу-у-ан! Ко-ня!

Вера беззвучно разрыдалась, опустившись на колени и закрыв лицо руками. У меня перехватило горло. Слезы обожгли глаза, но я смахнула их быстрым движением — врач обязан сохранять хладнокровие.

Мы перешли в шорную мастерскую. Я усадила Мишу к Вере на колени и приложила угомер к его запястью:

— Кисть разгибается заметно легче. Посмотрим, как долго сохранится результат. Верочка, запомните: сегодня он сам потянулся к гриве.

Я внесла запись в официальный протокол клинических испытаний, припечатав синей печатью врача.

Выйдя на солнечное крыльцо, я подошла к Тимофею, который стоял у перил:

— Я была права, Тимофей Иванович. Ваш Буран сумел подойти к нему так, что Миша сам захотел прикоснуться. Мы остаемся на полный шестинедельный курс.

Тимофей протянул мне ладонь:

— Вот и ладно, Надежда Николаевна. Завтра в восемь утра на манеже. Будем седлать.

Его сухое, крепкое рукопожатие отозвалось в моей груди сладким, волнующим теплом.

До вечернего обхода я успела устроить Мишу и Веру во флигеле.

Сумерки опустились на усадьбу прохладными синими тенями. Миша спал во флигеле глубоким сном, раскинув руки по подушке — впервые без судорожного сжатия пальцев. Вера сидела рядом и всё поглядывала на расправленную детскую ладошку.

Я накинула кардиган и вышла во двор подышать воздухом. С дальнего края усадьбы доносился звонкий, размеренный перестук молотка по наковальне.

У старой бревенчатой кузницы под навесом горел масляный фонарь. На дубовой колоде сидел сухой, жилистый старик в брезентовом фартуке — старший конюх дед Степан. Он чистил стальной щеткой массивную железную дугу.

— Здравствуй, барышня доктор, — приветливо прищурился старик, откладывая инструмент. — Слышал я: малец-то наш заговорил возле Бурана. На вот, держи. Для него берег.

Он поднялся и обеими руками протянул мне тяжелый, начищенный до свинцового блеска полукруг железа.

— Это подкова Грома, из того же конского рода, что и Буран. Тот жеребец в сорок третьем пушки из болот выволакивал, двухтонные возы волок и ни разу человека не подвел. Силища в нем была чистая, святая. Повесь у Мишаниной кровати: конское железо от доброго зверя всякую хворь из суставов тянет. Это наш коренной оберег, на счастье.

— Спасибо, дед Степан, — тепло отозвалась я, принимая полуторакилограммовую подкову. И тут же заметила на его правом запястье багровый термический ожог величиной с ладонь, щедро присыпанный древесной золой. — Так, дедушка, а ну-ка замри! Что за средневековье на руке?

Я вихрем метнулась во флигель за саквояжем. Промыла старику рану антисептиком, убрала грязь, наложила прохладную гидрогелевую салфетку с пантенолом и зафиксировала запястье легким эластичным бинтом.

Дед Степан пошевелил пальцами, удивленно крякнул — дергающая боль утихла — и посмотрел на меня с глубоким уважением:

— Ну, докторша... Настоящая. Не белоручка. И дитя спасет, и старика подлатает. Ты за Тимоху держись, Надежда Николаевна. Он мужик кремнёвый. Коли полюбит — гору свернет, а в обиду не даст.

Я вспыхнула, укладывая флаконы в саквояж. Слова старика отозвались внутри странным, волнующим трепетом. Возвращаясь во флигель, я всё оглядывалась на освещенные окна шорной.

Я поставила саквояж на ступени флигеля и присела рядом с Верой.

В девять вечера к усадьбе подъехала машина. Тишину разорвал скрежет гравия и визг тормозов: к воротам манежа подкатил черный представительский седан с областными номерами. Из машины вышел лохотный мужчина в дорогом костюме. Тимофеем окликнул его: «Громов!» Фамилию я знала: Валерий Павлович, заместитель начальника областного департамента соцзащиты; его подпись стояла на одном из писем по нашей программе. За ним семенил тощий инспектор санэпиднадзора с пломбиратором.

Тимофеем выступил навстречу из тени шорной:

— Территория частная, Громов. Приемные часы окончены. Чего надо?

— Твоя лавочка прикрыта, Медведев! — осклабился чиновник, размахивая пухлой папкой. — Поступили сигналы о незаконном врачевании и угрозе детям. Аренда берега аннулирована решением земельного комитета, завтра на ворота вешаем пломбы!

Громов шагнул к веранде, где застыла побелевшая Вера:

— Гражданка Соколова! Немедленно забирайте инвалида, иначе прямо сейчас оформлю изъятие ребенка в закрытый интернат за ненадлежащий уход!

Я слетела со ступеней, встав между чиновником и матерью:

— Закройте рот, Громов! И уберите руки. Я вызову полицию: вы угрожаете матери и пугаете больного ребенка!

— А ты кто такая? — вызверился он. — Инспектор, опечатавай ворота!

— Стоять! — я развернула перед инспектором ламинированный документ. — Я — кандидат медицинских наук Воронова Надежда Николаевна. Усадьба «Медвежий лог» является утвержденной экспериментальной клинической базой НИИ педиатрии по федеральной программе нейрореабилитации! Вот регистрационный номер государственного протокола!

Инспектор отдернул руку от засова. Громов побагровел:

— У вас нарушение санитарных норм! Навоз ближе ста метров к озеру! Я закрою вас по экологической линии!

— У ребенка согласованный курс лечения, а у меня — контакты руководителя программы. Предъявите распоряжение и основание проверки. Сорвёте лечение одними угрозами — я обращусь в прокуратуру, — сказала я, протягивая ладонь за папкой.

— Ах ты дрянь ученая... — прошипел Громов, выхватывая телефон. — Я вызываю ОМОН! Через двадцать минут вас всех мордой в навоз положат!

Я подошла к нему вплотную, заглядывая в бегающие глазки:

— Набирай, Валерий Павлович. Только помни: Миша Соколов перенес тяжелейшую черепно-мозговую травму. После вашей выходки у него может начаться приступ. Я запишу, кто и как сорвал лечение, и подпишусь под этим своим именем. Дальше с вами будут разговаривать следователи. Готов сесть на нары ради коттеджей Зимина?

Громов побледнел. По его лбу покатилась капля холодного пота. Инспектор в сером плаще уже молча юркнул на заднее сиденье «Волги». Пальцы чиновника задрожали, и он медленно опустил трубку.

Из-за моей спины шагнул Тимофей. Он навалился тяжелыми ладонями на стекло машины и глухо пророкотал:

— Еще раз сунешься пугать женщин и детей — я тебе твою папку поперек глотки забью. Передай Зимину: «Медвежий лог» стоял и стоять будет. Пошел вон.

Громов запрыгнул в салон, мотор взревел, и черная машина скрылась в темноте.

Я стояла у ворот, пока стихал звук мотора.

Пыль осела. Адреналин схлынул, оставив ватную пустоту в коленях и крупную дрожь в пальцах. Я отправила заплаканную Веру спать и осталась одна.

Около полуночи, немного придя в себя, я снова вышла на веранду. Полная луна заливала манеж серебряным молоком.

Посреди белого круга двигалась могучая фигура Тимофея. Обнаженный по пояс, тяжелыми деревянными граблями он шаг за шагом ровнял песок, убирая камешки, чтобы завтра ножки ребенка ступали по мягкому ковру. Его загорелый торс блестел от пота, шрамы на спине серебрились в лунных лучах, дыша первобытной мужской мощью.

Я подошла к бортику манежа. Он остановился, оперся на черенок и посмотрел на меня:

— Не спится, докторша?

— Руки трясутся, — призналась я. — Я ведь блефовала насчет следователей. Если бы он нажал кнопку, нас бы до утра затаскали по вопросам.

Тимофей шагнул ближе и положил горячие предплечья на верхнюю жердь:

— Ты за них встала, Надя. У тебя глаза горели так, что стену бы прожгли. Я смотрел: Громов на тебя лезет, а ты собой Веру заслоняешь. Все бегут от чинуш, а ты зубы показала. Спасибо тебе. За веру.

Он протянул через бортик огромную ладонь и бережно накрыл мои пальцы. Его кожа была горячей, шершавой и надежной, как гранитная скала.

— Ты только не бойся больше, Надя. Слышишь? Пока я дышу — ни одна сволочь к тебе пальцем не прикоснется. Моя земля — твоя крепость. Мы Мишку на ноги поставим. Вместе поставим.

— Слышу, Тимофей, — прошептала я, сжимая его твердые пальцы в ответ.

Впереди были недели борьбы за каждый шаг ребенка и схватки с алчными врагами. Но сейчас, в эту лунную ночь, рядом с этим сильным и надежным мужчиной, я впервые за долгие годы почувствовала себя дома. В полной безопасности.

Завтра в восемь утра начнется настоящая работа. Завтра Миша впервые сядет на теплую широкую спину Бурана.

### Глава 3. Руки беречь

В шесть утра я откинула одеяло и прислушалась к дыханию Миши. Над кроватью белела бревенчатая матица гостевого флигеля. В распахнутое окно с резными наличниками вливался сиреневый предрассветный туман с озера Медвежьего, звонкое щелканье лесных дроздов и одуряющий настой свежескошенной клеверной травы. На соседней деревянной кровати посапывал пятилетний Миша. Подкова деда Степана висела на стене у изголовья; маленькая ладошка во сне лежала раскрытой на одеяле. Я поправила край простыни.

Во дворе раздался тяжелый, размеренный стук копыт и ласковый, рокочущий мужской бас. Сердце мое предательски екнуло, забившись в груди теплой пойманной птицей. Я набросила тонкую льняную рубаху, повязала волосы косынкой и босиком выбежала на бревенчатое крыльцо.

Трава обжигала ступни ледяной, хрустальной росой. У бревенчатой коновязи под старыми березами стоял Буран, а рядом — хозяин усадьбы Тимофей Медведев. Тимофей сбросил рубаху, оставшись в одних холщовых портах на сыромятном ремне и тяжелых юфтевых сапогах. Литые, бугрящиеся мышцы его широкой спины и покатых плеч ходили тугими пластами под бронзовой загорелой кожей при каждом движении скребницы. Старые белесые шрамы на лопатках — следы бывших лесных пожаров и спасательных операций МЧС — казались серебряной вязью в косых утренних лучах солнца.

Он обернулся на скрип ступени, отер пот со лба широким запястьем и открыто, светло улыбнулся в густую темно-русую бороду:

— С добрым утром, докторша. Выспалась в нашей глуши?

— Как никогда в жизни, Тимофей, — призналась я, спускаясь по ступеням. Вблизи от него пахло березовым мылом, сосновым дымом и свежим полевым сеном. — Давай я помогу тебе. Могу пропальпировать связки и сухожилия коня перед выходом на манеж.

Медведев мягко усмехнулся и протянул мне тяжелую кованую скребницу:

— Сухожилия у Бурана крепче корабельных канатов. А вот ты, Надежда Николаевна, если хочешь ребенка на лошадь сажать, должна сама коня до малейшей шерстинки пальцами выучить. Зверь должен твой запах, твои руки и твой голос признать.

Я положила скребницу на лавку, сглотнула волнение, закатала рукава рубашки и шагнула в шорную мастерскую, где густо пахло дубленой юфтью, пчелиным воском и конским дегтем. Потянулась за первой попавшейся жесткой щеткой с длинной колодкой, но Тимофей неслышно вырос за моей спиной.

Тесное пространство мастерской миг наполнилось жаром его могучего тела. Его широченная грудь оказалась в сантиметре от моих лопаток, перекрывая утренний свет из оконца. Он бережно накрыл мою кисть своей огромной, шершавой ладонью, забирая инструмент:

— Этой щеткой ты ему круп до крови ссадишь, Надя. Кожа у тяжелове́за чуткая, как у младенца. Вот эту бери — из натуральной щетины с барсучьим волосом. Она шелк наводит.

Его пальцы на мгновение задержались на моих запястьях, высекая сноп сладких, растерянных искр. Я вспыхнула до корней волос, но сдержала дыхание и вернулась к коновязи.

Буран стоял смирно, но когда я неловко повела щеткой против шерсти на крупе, жеребец недовольно взмахнул тяжелым смоляным хвостом и глухо переступил кованым копытом в паре сантиметров от моей ноги. Я испуганно отшатнулась. Щетка скользнула в пальцах; я перехватила ее за колодку.

И тут же надежные мужские руки легли мне на плечи. Тимофей встал сзади, вплотную прижавшись горячей грудью к моей спине, охватил мои пальцы своими и мягко направил щетку:

— Не бойся, Наденька. Вдохни вместе с ним. Чувствуй ход волокна. Вот так... плавно, с оттягом от холки к крупу.

Я выдохнула, подстраиваясь под его движение. Ритм чистки коня соединился с размеренным дыханием мужчины за моей спиной. Горячий шепот Тимофея шекотал висок, выбившийся русский локон касался его щетины. Во мне таял многолетний столичный зажим, уступая место чистой, первобытной женской истоме и чувству абсолютной защиты.

Буран повернул массивную голову, косясь большим карим глазом на наши соединенные руки, и издал глубокое довольное фырканье.

— Ну вот, Наденька, — тихо выдохнул Тимофей в самое мое ухо. — Принял. Буран чужих к плечу не подпускает. Теперь ты для него своя. Законная хозяйка.

Конь плавно опустил тяжелую голову мне на плечо, уткнувшись бархатными теплыми ноздрями в воротник моей рубашки.

Когда чистка закончилась, ладони мои горели от непривычной работы. Тимофей заметил, как я прячу руки в карманы, молча усадил меня на деревянную скамью у черемухи, достал глиняную баночку с домашней пихтовой мазью на барсучьем жире и стал бережно, фаланга за фалангой, массировать мои пальцы. Сила, способная гнуть подковы, касалась моей кожи с бесконечной, трепетной нежностью:

— Руки у тебя золотые, детские жизни спасают. Я их беречь буду, Надя.

А после завтрака мы запрягли смирную гнедую кобылу Зорьку в легкую рессорную телегу и поехали на лесной хутор к старому пасечнику деду Михею за свежим забрусным медом для Миши.

На солнечной поляне среди двенадцати деревянных ульев воздух гудел тысячами пчелиных крыльев. Я робко прикрыла лицо косынкой, но Тимофей подошел к улью, пустил струю душистого дыма из дымаля и голыми руками вынул тяжелую, янтарную, сочащуюся горячим липовым медом рамку. Пчелы садились на его загорелые предплечья. Он терпеливо смахивал их перышком обратно на рамку, а я всё глубже прятала нос в косынку.

Дед Михей, сухонький старик в холщовой рубаше, одобрительно шурился из-под соломенной шляпы:

— Зверя и пчелу не обманешь, дочка. Они злобу и страх за версту чувят. А у Тимохи душа чистая, потому его и пчела не жалит. Берите мед, на пользу пойдет.

Тимофей подошел к телеге, срезал ножом кусочек благоухающего воскового забруса и с деревянной ложки бережно поднес к моим губам:

— Пробуй, Наденька. Это чистая сила земли. От всякой хвори и усталости защита.

Вкус меда был терпким, пахнувшим полуденным солнцем и цветущей липой. На пальце Тимофея осталась янтарная капля. Я слизнула ее, и наши взгляды встретились — в его потемневших глазах плескалось такое зрелое, немое обожание, что земля поплыла под моими ногами.

С пасеки мы поспешили обратно: Миша уже ждал у манежа.

К восьми часам утра песчаный круг манежа прогрелся до мягкого, золотистого жара. Воздух звенел стрекотом кузнечиков, сосны источали густую смолу.

Дед Степан вывел Бурана. На спину вороного гиганта был надет широкий войлочный гурт с двумя жесткими кожаными рукоятками — снаряжение для занятий: ребенок мог опираться на рукоятки и чувствовать под собой движение конской спины.

Вера поднялась по ступеням дощатого посадочного помоста, держа Мишу на руках. Но стоило мальчику увидеть исполинскую спину тяжеловоза с высоты, как застарелый ужас вновь сковал его: он вцепился в шею матери, пряча лицо и заходясь судорожным всхлипом. Мышцы его худеньких ножек напряглись до каменной твердости.

— Мишенька, взгляни на меня, родной, — я мягко взяла его за запястья, пытаюсь развести сведенные пальчики. Но спастический страх высоты блокировал движения.

Тогда вперед шагнул Тимофей. Он подхватил Мишу, поддерживая под спиной и коленями, повернул к себе и весело прогудел:

— Ну-ка, сокол, глянь на простор! Буран тебя помнит. Подержись за челку!

Он поднес ладошку мальчика к шелковой челке коня. Буран ласково выдохнул в ладонь струю теплого воздуха, пахнувшего ромашками. Мальчик замер, слезы высохли, а пальчики робко погладили черный конский шелк.

Я проверила, как свободно разводятся бедра Миши, и помогла Тимофею устроить его верхом на спине Бурана. Поддерживая колени мальчика, я дождалась, пока он сам ухватится за рукоятки.

Миша погладил теплую спину коня между рукоятками, оглядел манеж и устроился удобнее.

— Держись за ручки, сокол, — Тимофей поправил ладошки мальчика на рукоятках гурта, а я встала справа, страхуя таз и корпус ребенка. Тимофей остался слева. Дед Степан взял повод:

— Шагом, Буранушко, бережно, родимый...

Конь сделал первый глубокий, упругий шаг.

И свершилось то, ради чего я положила годы на клинические исследования. С каждым шагом Бурана таз Миши покачивался вперед и в стороны. Мальчик искал равновесие, отвечая на движение конской спины всем корпусом; я чувствовала эти маленькие усилия под своей ладонью.

Буран шел короткими кругами, и мы успевали подстраховать Мишу при каждом покачивании. На втором круге мальчик приподнял голову.

Мальчик выпрямил спинку, оторвал правую ручку от рукояти, хлопнул раскрытой ладошкой по смолянному плечу коня и вдруг — звонко, заливисто, на весь сосновый бор — закричал:

— И-го-го! Ко-ня! Бу-у-ан, быстрее!

Вера у ограждения опустилась на колени прямо в горячий песок, закрыв лицо руками и сотрясаясь от благодатных слез очищения. Дед Степан сорвал с седой головы картуз и истово перекрестился сухой рукой.

Тимофей повернулся ко мне. В его серых глазах стояли непролитые слезы, а лицо сияло:

— Слышишь, Надя? Поет наш пацан! Живой!

В конце короткого занятия с остановками Миша обнял шею Бурана и прижался к ней щекой:

— Не хочу вниз! Хочу на коне кататься!

После занятия я снова проверила подвижность суставов. Бедра разводились легче, Миша позволил поставить стопы на песок. Я записала изменения и время осмотра. Впереди был курс лечения, но сегодняшний шаг мы уже сделали.

А в предзакатный час дед Степан повел меня на дальнюю лесную опушку собирать лекарственные травы для вечерних ванн ребенка. Мы набрали полные теса фиолетового чабреца, цветущего зверобоя и корней дикой валерианы. Я объясняла старику, почему буду вводить травы осторожно: у каждого ребенка своя реакция, а старик опирался на суковатый посох и негромко говорил мне:

— Тимоха наш пять лет волком-одиночкой выл после гибели напарника на шахте. Всё винил себя, что не спас. А вчера на тебя глянул — и оттаял. Давно я его таким счастливым не видел. Не обидь его, Надежда Николаевна. Он мужик чистый, кремнёвый. Ты для него — надежда во всех смыслах.

Я бережно прижала пахнущий чабрецом пучок к груди, чувствуя, как сладко и тревожно замирает сердце.

Вернувшись с опушки, я убрала травы во флигель и открыла журнал наблюдений. Снаружи скрипнул засов конюшни. Я подняла глаза к окну.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.